

БАШКИРСКИЕ ПЕСНИ АЛЯБЬЕВА

Судьба композитора Алябьева — трагична. Еще при жизни биография его обросла массой былей и небылиц. Лишь в наше советское время исследователи восстановили правду его жизни. Открылась в ней и интереснейшая страница — связях Алябьева с башкирской народной музыкой.

Александр Александрович Алябьев родился в 1787 году в семье гражданского губернатора Тобольска. В раннем детстве он был перевезен в Петербург. Подобно М. Глинке, Алябьев мог сказать о себе — «музыка — душа моя». Уже к 25 годам он становится известным музыкантом, сочинителем романсов. Его произведения печатаются, исполняются в концертах.

24 февраля 1825 года нелепое происшествие перевернуло всю жизнь Алябьева, набросило на нее трагический оттенок. Он был обвинен в убийстве помещика Времева. Непричастность Алябьева к смерти Времева была доказана, но уголовная палата приговорила композитора к лишению чинов, дворянского звания, к ссылке в Сибирь. Так царские чиновники расправились с композитором за его дружбу с Пушкиным, Грибоедовым, Д. Давыдовым, декабристами, за остроумные, подчас дерзкие выпады против дикости самодержавия.

Решением суда композитор был сослан в сибирский город Тобольск. Там он прожил четыре года. Суровый климат подорвал здоровье Алябьева и после долгих холатайств ему была разрешена поездка на Кавказ. Но Алябьев недолго наслаждался кавказской природой. Музыкальные интересы и замыслы влекли его в Москву. Он вновь и вновь просит царя разрешить ему жить в ней. В ответ Николай I приказал отправить Алябьева в Оренбург.

В Оренбурге встретили Алябьева не как сосланного по велению царя преступника, а как выдающегося музыканта своего времени. В Оренбурге Алябьев быстро сблизился с знатоками местного края и любителями музыки. Среди них были известный писатель и фолк-клорист Вл. Даль, военный инженер В. Бух, в дневнике которого немало записей фольклора местного края, в том числе и башкирских песен, и талантливый любитель-скрипач В. Верстовский. Они образовали своеобразный музыкальный кружок в Оренбурге. Это скрашивало безрадостное существование ссыльного композитора. У него зреют новые творческие планы. В письме композитору А. Верстовскому он пишет: «...скоро начну писать башкирскую увертюру, тема чудесная».

Долгое время биографы и исследователи творчества Алябьева не могли найти следов этой увертюры, но в марте 1965 года, работая над архивом композитора, я обратила внимание на рукопись партитуры, которая обозначена в каталоге как «Неустановленное произведение». Внимательно рассмотрев партитуру, я обнаружила, что в основу ее положена мелодия, очень близкая таким башкирским напевам, как «Артылыш», «Карабай». К этой же мелодии Алябьев обратился при создании песни «Через кладку я пройдуся», которую сам называл башкирской и включил в

свой вокальный цикл «Азиатские песни». Таким образом, можно считать, что в период оренбургской ссылки Алябьев действительно работал над увертюрой на башкирскую тему и партитура ее — один из самых ранних примеров использования башкирского музыкального фольклора в русской симфонической музыке.

В ссылке Алябьев заинтересовался вольными поэтическими переводами текстов башкирских народных песен. В 1836 году они были напечатаны в журнале «Библиотека для чтения». Но еще за три года до опубликования стихов Алябьев знал их в рукописи и использовал как тексты для своего цикла «Азиатские песни», посвятив его генералу Перовскому.

Вокальный цикл «Азиатские песни» Алябьева поражает своей свежестью и красотой, и трудно понять, почему он до сих пор не опубликован. Он открывается лирической башкирской песней «Через кладку я пройдуся». В ней композитор использовал не только вольный поэтический перевод текста башкирской песни, но соединил две чудесные народные башкирские лирические мелодии (медленную и быструю) в изящную вокальную миниатюру. Песня звучит типично «по-альябьевски» и в то же время сохраняет аромат башкирского первоисточника. Видно, Алябьев очень любил и ценил эти две мелодии. Спустя почти 15 лет он вновь обратился к ним и использовал в арии Салтанат своей оперы «Аммалат-Бек».

Следующую песню в цикле «За чем я не горный орел молодой» Алябьев называет киргизской, но при внимательном анализе оказалось, что в ней и текст и мелодия башкирские. Интересно, что в 70-е годы прошлого века башкирский краевед Руф Игнатьев в одном из башкирских аулов записал вариант мелодии этой песни.

Третья песня названа композитором «Карай юрга» — «Вороной иноходец». Это по-альябьевски певучее и изысканное произведение — обработка для голоса и фортепиано башкирской народной плясовой мелодии.

В рукописях композитора есть еще один очень любопытный документ, говорящий о его активном интересе к творчеству народов, населявших Оренбургский край. В Государственном музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки хранятся исписанные рукой композитора два небольших ветхих от времени листка нотной бумаги. На них характерным размашистым почерком Алябьева без помарок и поправок записано семь мелодий. Надо иметь тончайший музыкальный слух и блестящую музыкальную память, чтобы вот так, что называется, «с ходу» записать своеобразные, непривычные для восприятия мелодии.

Анализируя записи Алябьева, можно заключить, что в них зафиксированы наигрыши на курае. Почти все они записаны в одной тональности, звучат в одном регистре и имеют общие приемы фикса-

ции мелодико-ритмических оборотов. Можно предположить, что играл их один исполнитель на курае определенного строя (ре). Выделяется среди записей мелодия под заголовком «Бюп ямыш цегарган енарал». Алябьев записал название русскими буквами и, как видно, весьма приблизительно. Его смысловой перевод вероятнее всего звучит так: «Богатые судьбы творил генерал». Широка, напевность мелодии, ее вокальность, а также пометка композитора «куплет» над вариантным повторением мотива отличают ее от инструментальных наигрышей. Маршевый двухдольный ритм, весьма характерный для маршевых башкирских песен, восходящие скачки в мелодии, энергия, размахистость и сила напева очень напоминают маршевые песни о Салавате. В своей книге «Описание башкирцев», изданной в 1862 году, И. Казанцев пишет, что о Салавате «...как об отличном наезднике-батыре долго сохранялась составленная башкирами песня. Эта песня хорошо переведена в стихах г. Кудряшовым... и переложена на музыку бывшим полковником Алябьевым». Думается, что мелодия, записанная Алябьевым под заголовком «Бюп ямыш цегарган енарал» является одним из вариантов народной башкирской песни о Салавате Юлаеве. Судя по архивным данным, Алябьев записал не один вариант салаватских песен. Так, на последней странице рукописи партитуры башкирской увертюры рукой Алябьева написано: «Чибызга — башкирский инструмент¹⁾. Ташла деревня Тимашева». Под этой записью почти стертые от времени наброски нескольких мелодий. Под одной можно разобрать слова «Батырь Салават».

Живя в Оренбурге, пользуясь добрым отношением к себе Перовского, Алябьев время от времени наезжал в Москву и Петербург. Но в 1842 году царь Николай, узнав об этом, сделал замечание Перовскому, и приказал выслать Алябьева в Коломну без права выезда.

Последний период жизни композитора проходил в активной творческой деятельности и борьбе за свои гражданские права. В это время он создал ряд песен с острой социальной тематикой и ряд крупных оркестровых и камерных сочинений. Умер Алябьев в 1851 году, оставив огромное музыкальное наследие.

Во многих областях музыкального искусства Алябьев был начинателем. Так было и в отношении башкирской музыки. Рукописи Алябьева наглядно свидетельствуют, как сравнительно кратковременный период пребывания в оренбургской ссылке оказал большое воздействие на творчество композитора, вызвал у него ряд творческих замыслов, связанных с фольклором Башкирии и Оренбургского края. Он подошел к записям и обработкам башкирских мелодий как художник, увлеченный их красотой и своеобразием. Его «Татарские песни», «Азиатские песни» — пример самых первых записей и обработок башкирских народных мелодий, в связи с этим имеют большое историческое значение, а его творческое обращение к фольклору «русского востока» по существу кладет начало русскому музыкальному ориентализму, т. е. раскрытию образов востока в русской классической музыке.

Л. АТАНОВА,
младший научный сотрудник
Уфимского института истории,
языка и литературы, заслуженный деятель искусств
БАССР.

На снимке: фотография рукописи А. Алябьева с записью варианта башкирской песни о Салавате.

1) Чибызга — казахское название башкирского музыкального инструмента курае.